

МРНТИ 03.61.91

DOI: <https://doi.org/10.62724/202440107>

Стасевич Инга Владимировна*¹

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург, 199034, Университетская набережная, 3, stinga73@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-5213-4647

КАЗАХСКИЕ ИГРУШКИ-КУКЛЫ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН

Аннотация. В музейных фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, (далее МАЭ РАН) среди предметных коллекций по традиционной культуре казахов, хранятся 49 кукол. Все они датируются концом XIX – первой половиной XX в. Некоторые куклы весьма схематичны, другие, наоборот, детально проработаны, их одежда в миниатюрном варианте передает не только состав костюмного комплекса и особенности кроя, но и способы декорирования его элементов, что позволяет определить, кого же изображает кукла – девушку, молодую замужнюю женщину, женщину среднего возраста, жениха или ребенка. Коллекции включают работы видных собирателей, например, Константина де-Лазари, Клавдия Щенникова и Дмитрия Букинича, каждый из которых оставил значительный вклад в этнографическое собрание Кунсткамеры, фиксируя особенности казахской культуры в период трансформации кочевого образа жизни. Куклы представляют интерес для изучения не только как образцы традиционного костюма, но и как культурное наследие, отражающее мир казахского ребенка.

Цель статьи – ввести в широкий научный оборот эти музейные экспонаты в качестве этнографического источника. Автор описывает конструктивные особенности, костюм кукол, их роль в повседневной и обрядовой культуре казахов.

Ключевые слова. МАЭ РАН, Кунсткамера, Казахстан, куклы, игрушки, этнографические коллекции, история формирования фондов

Введение. Среди уникальных предметов по традиционной казахской культуре Петербургской Кунсткамеры есть пять коллекций, в состав которых вошли детские игрушки – куклы (*қуыршақ*). Все коллекции датируются концом XIX – первой половиной XX в. В настоящее время в музейных фондах Кунсткамеры находится 49 кукол. Собрание, по сравнению со всеми предметами казахской культуры, хранящимися в Музее, а их насчитывается около тысячи, достаточно значительное. Несмотря на то, что в отечественной этнографии принято считать интерес к миру ребенка явлением достаточно поздним, мы можем с уверенностью сказать, что уже в конце XIX – начале XX вв. внимание исследователей привлекали не только образцы традиционной культуры казахов, связанные с кочевым образом жизни, со спецификой хозяйства, с убранством жилища, но и предметы, относящиеся к миру казахского ребенка. Среди них одежда детей, люльки, амулеты-обереги, и, конечно, детские игрушки. Все это говорит нам о том, что исследователи-собиратели казахской культуры того времени старались максимально полно охватить весь предметный комплекс культуры, представить его в музейном собрании и познакомить европейцев с культурой кочевников степи во всем ее многообразии.

Традиционные казахские детские игры неоднократно анализировались в работах этнографов, культурологов [1, 2, 3, 4], однако такой тип игрушки, как кукла, не становился объектом самостоятельного исследования. Конечно, нельзя рассматривать предметы, в данном случае музейное собрание, вне культурного контекста, куда входит не только этническая специфика среды бытования, но и историческая эпоха сбора и музеефицирования привезенных в Музей экспонатов.

Материалы и методы исследования. Статья основана на результатах научного аннотирования предметных коллекций из фондов МАЭ РАН. В качестве дополнительных источников привлекались данные музейной документации (музейные описи), архивные материалы МАЭ РАН и материалы архива РАН. Иллюстративные материалы представлены фотографиями из фонда МАЭ РАН.

В исследовании использованы методы сравнительно-исторического анализа.

Результаты (анализ музейных коллекций). Первая кукла, и единственная из коллекции № 411, поступила в МАЭ от начальника Лепсинского уезда Семиреченской области Константина Николаевича де-Лазари в 1898 году. Он вошел в историю Кунсткамеры как один из самых вдумчивых и тщательных собирателей, каждая вещь, собранная им и переданная в Музей, снабжалась ярлыком с названием, обстоятельными комментариями в сопроводительных письмах, включая способ использования и специфику бытования предметов. Именно на основе этих сведений и составлялись первоначальные описи коллекций. Кроме предметных коллекций от де-Лазари в Музей поступили и замечательные фотоматериалы по материальной и духовной культуре казахов. Настрой и живой интерес де-Лазари к формированию музейного фонда Кунсткамеры прекрасно передает сохранившаяся в архиве его переписка с МАЭ: «Корреспондентом Музея я буду с удовольствием и постараюсь аккуратно и внимательно отвечать на все запросы и вопросы Музея, а также исполнять все его поручения... я прошу снабдить меня самыми подробными указаниями, какие именно сведения из киргизской жизни нужны Музею, на что я должен обратить внимание и что подробно описать?» [5,6].

Судя по материалам описи, коллекция № 411 была собрана в Семиреченской области, в Лепсинском уезде. Она включает в себя музыкальные инструменты, предметы культа, богато декорированные предметы внутреннего убранства юрты, а так же игры для взрослых, детей и детскую куклу (МАЭ № 411-12, рисунок 1).

Рисунок 1 – МАЭ № 411-12. Кукла женщины (*Қатын қуыршақ*). Семиреченская область, Лепсинский уезд, конец XIX в.

Следующая по времени коллекция № 1287, она включает девятнадцать кукол и поступила в МАЭ в 1908 году от внештатного сотрудника Клавдия Васильевича Щенникова. Куклы из коллекции № 1287 были приобретены собирателем в Петропавловском уезде Акмолинской области. Из этой же области и от того же собирателя в 1909 году поступила коллекция № 1459, в ее состав вошли еще девятнадцать кукол, по данным описи, приобретенные в Атбасарском уезде. Через год в МАЭ поступила еще одна коллекция от К.В. Щенникова (МАЭ № 1749), кроме замечательных образцов традиционной культуры казахов в нее вошли пять кукол, все предметы были приобретены собирателем в Семипалатинской области.

Несмотря на то, что за несколько лет К.В. Щенниковым было передано в Музей около трехсот предметов, а так же замечательные коллекции фотоснимков, нам очень мало известно о его жизни и научной деятельности. Конец XIX - первое десятилетие XX в. – этот период истории Петербургской Кунсткамеры связан с именем академика Василия Васильевича Радлова, возглавившего Музей в 1894 г. Под его руководством заметно активизировалась деятельность по сбору, научному описанию и музейной регистрации коллекций, поступавших в МАЭ. Мы можем с уверенностью сказать, что К.В. Щенников был одним из многих собирателей, участвовавших в целенаправленных экспедициях, основной задачей которых было всестороннее пополнение фондов Музея. И как мы видим, с этой задачей Клавдий Васильевич справился великолепно.

Последняя коллекция МАЭ РАН (№ 5502), включающая в свой состав казахские куклы поступила в Музей в 1936 г. от Букинича Дмитрия Демьяновича. Пять кукол привезены собирателем из Южно-Казахстанской области (кукла № 5502-3, рисунок 2).

Рисунок 2 – МАЭ № 5502-3. Кукла женщина (*Қатын қуыршақ*). Южно-Казахстанская область, Первая треть XX в.

Дмитрий Демьянович не имел исторического образования, он был инженером ирригатором и агрономом, однако активно принимал участие в этнографических и

археологических экспедициях и вошел в историю науки не только как собиратель, а его коллекции хранятся в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Самарканда, Ташкента, но и как автор замечательных работ по истории орошаемого земледелия центральноазиатского региона, ему принадлежит ряд важных археологических наблюдений и открытий. В МАЭ хранятся коллекции собранные Д.Д. Букиничем на территории советской Центральной Азии, в Монголии и Афганистане.

Таким образом, в Петербургской Кунсткамере хранятся детские куклы, бытовавшие на территории Северного и Южного Казахстана. Они, несомненно, могут быть отнесены к образцам традиционной культуры. Именно с конца 30-х гг. XX века культура кочевников подвергается глобальным модернизационным изменениям, связанным с постепенным, но достаточно болезненным переходом к полuosедлому, а затем и к оседлому образу жизни. Эти процессы оказали огромное влияние на традиционный уклад жизни казахов. Многие традиционные предметы начали постепенно выходить из употребления, так и традиционные казахские детские игрушки исчезают из повседневной культуры к середине XX века, на смену им приходят фабричные изделия.

Интерес собирателей к куклам объяснялся еще и тем, что детально проработанный костюм кукол, рассматривался как подспорье в изучении традиционного костюма как девушек и женщин, так и мужчин. Пол, возраст, социальный статус персонажа, которого изображает традиционная кукла, передается посредством ее одежды. Одежда казахских кукол в миниатюрном варианте передает не только состав костюмного комплекса и особенности кроя, но и способы декорирования его элементов. Иногда костюм кукол прост, особенно если он повторяет повседневный костюм человека, но нередко отделка одежды кукол была достаточно сложной: праздничный головной убор куклы-невесты, молодой замужней женщины, богато украшался цветными стеклышками, маленькими кусочками коралла, пуговицами, металлическими бляшками, полосками меха, перьями филина; само платье оторачивалось вышивкой, тканью другого цвета, фрагментами позумента. И, конечно, не будем забывать, что изготовление кукол было одним из первых самостоятельных производственных действий казахских девочек. Шитье одежды для кукол становилось прекрасной практикой, несомненно, полезной для девочек в будущей взрослой жизни. Да и саму куклу, как правило, девочки делали сами из обмотанных тканью соломинок чия (песчаного тростника) или деревянных палочек. В традиционной культуре девочки рано выходили замуж, в 12-13 лет девушка считалась невестой, и часто среди вещей, которые невеста забирала из своего дома, были и куклы, скорее всего некоторые из наиболее любимых игрушек впоследствии переходили по наследству ее дочерям.

Куклы относятся к типу, так называемых, образных игрушек. Конструкция и материал кукол разных народов Центральной Азии, как оседлых, так и кочевых в прошлом, схожи, в их основе дерево, стебель травы или ткань. Всю хранящуюся в МАЭ коллекцию казахских кукол можно разделить на несколько групп, учитывая конструктивные особенности, например, в основу такого деления может быть положен материал, взятый в качестве основания (стебель чия, бумажный стержень, обмотанный тканью или деревянная палочка), способ оформления головы куклы. Но, на мой взгляд, наиболее интересным оказывается сам костюм куклы. В коллекции присутствуют совершенно схематично сделанные куклы, они представляют собой основание (деревянная палочка, прут или стебель чия), обмотанное кусками ткани (МАЭ №1459-32, 35, 40), но есть куклы, костюм, которых детально проработан, что позволяет перейти уже на следующий уровень классификации, связанный с объектом изображения. Большинство кукол из нашей коллекции изображают девушек (МАЭ № 1459-28, 29, 30;

1749-11 и др.), молодух, возможно, невест (МАЭ №1287-77, 81 и др), и замужних женщин (МАЭ № 411-12; 1287-74, 1459-39, 37, 42 и др). Отличительным признаком для костюма этих кукол является головной убор. Куклы невесты имеют высокий головной убор типа свадебного *сәукеле* (МАЭ №1287-101), иногда декорированный перьями (№1287-81, рисунок 3) или яркую головную повязку (МАЭ №1287-77, 99, 1459-30 и др).

Рисунок 3 – МАЭ № 1287-81. Кукла невеста. (Қалыңдық қуыршақ). Ақмолинская область, Петропавловский уезд. Начало XX в.

Так как *сәукеле* молодуха носила в течение года после свадьбы (на обрядовых мероприятиях, при приеме гостей), то точно определить какая кукла перед нами невесты или молодой замужней женщины достаточно сложно. Не будем забывать, что и

материалы описи коллекции могут содержать неточности и ошибки. Возможно, что в некоторых случаях куклы, определенные регистратором как куклы-невесты, с яркими головными повязками, а в одном случае с головным убором отороченным мехом, типа *бөрік* (МАЭ №1459-33), одетые в платья с оборками, могут на самом деле изображать незамужних девушек. Куклы, представляющие замужних женщин, имеют в костюме *кимешек* (МАЭ №1287-84, 1749-9, 13), платок (МАЭ №1287-86, 87, 90; 1459-41 и др.), тюрбан (МАЭ №1287-82 (рисунок 4), 103, 104, 105) или головную повязку из светлой ткани.

Рисунок 4. – МАЭ № 1287-82. Кукла женщина (*Қатын қуыршақ*). Ақмолинская область, Петропавловский уезд. Начало XX в.

Некоторые *кимешеки* орнаментированы вышивкой по лицевому вырезу (МАЭ № 411-12), металлическими или коралловыми нашивками. Куклы, изображавшие девочек и девушек, имеют прически — косички, сплетенные из конского волоса. Несколько

кукол изображают мужчин, такие куклы аннотированы собирателями и регистраторами коллекций как «кукла жених» (МАЭ № 1287-100, 102), по всей видимости, они составляют пару с куклами-невестами.

Рисунок 5 – МАЭ № 1287-100. *Кукла жених*. Акмолинская область, Петропавловский уезд. Начало XX в.

Скорее всего, отдельной роли они не играли, но были необходимы для правдоподобного воспроизведения различных обрядовых и повседневных ситуаций. И есть одна кукла-ребенок, в виде свертка, изображающего младенца, *бөпе қуыршақ* (МАЭ № 1287-88).

Рисунок 6 – МАЭ № 1287-88. *Кукла ребенок (бөпе қуыршақ)*. Ақмолинская область, Петропавловский уезд. Начало XX в.

Интересно, что одежда для кукол иногда шилась не просто из обрезков ткани, но и из старых, поношенных вещей, так часть головного убора куклы-женщины (МАЭ №1287-105) сшита из старого *кимешека*. В коллекцию № 1287 наряду с другими детскими игрушками вошла и кукольная одежда – передник (МАЭ №1287-76) и бархатный камзол богато декорированный металлическими нашивками и позументной лентой (МАЭ №1287-91), вполне возможно, что некоторая одежда кукол была сменная и девочки могли в процессе игры переодевать своих кукол.

Еще одним отличительным признаком при классификации кукол является изображение лица или его отсутствие. Лицо могли рисовать прямо на ткани, которой обтягивали тряпичную голову, или схематически вышивать. Большинство кукол не имеют обозначенного лица. Запрет на обозначение лица куклы объяснялся тем, что антропоморфность изображения в традиционном сознании всегда ассоциировалась с представлениями о душе, которая, странствуя по миру, может вселиться в подходящее, похожее на человека изображение. Скорее всего, куклы с прорисованным или вышитым лицом появляются не ранее второй половины XIX века и отражают поздний этап в развитии традиционной казахской игрушки.

К сожалению, материалов XIX — первых десятилетий XX века по детским играм с куклами практически нет. По-видимому, суть игры состояла в воспроизведении сценок из обычной жизни семьи. В таком случае посредством игры с куклами девочки знакомились с основными правилами социального устройства жизни, принципами

половозрастного деления традиционного общества, нормами традиционного этикета, практиковались в изготовлении и украшении одежды.

В играх с куклами употреблялись и сопроводительные игрушки-имитации — кровати с постельными принадлежностями, модели мебели, маленькие войлочные ковры (*текеметы*), простые войлоки (*куиз*), вышитые занавесы. Они были необходимы для воспроизведения бытовых сценок. Такие предметы вошли в музейную коллекцию № 1287. Игрушки из ткани и войлока, как и куклы, изготавливались самими девочками, иногда под руководством старших сестер, матери или бабушки, которые показывали им, как нужно держать иголку, какие швы применяются при вышивании тех или других вещей, как изготавливается войлок. Таким образом, с ранних лет девочки в игровой форме приобщались к домашним ремеслам.

В традиционной культуре кукла, являясь по определению символическим изображением человека, замещала его не только в игровом контексте. Куклы активно использовались казахами в шаманской практике, в том числе в целительстве. Именно в ритуальной практике наиболее ярко проступали особые характеристики куклы, как объекта, находящегося на границе мира человека и мира потустороннего. В обрядах целительства кукла принимала на себя болезнь человека, которую с помощью магических манипуляций целитель переносил в символического заместителя пациента. К сожалению, в казахской коллекции МАЭ таких обрядовых кукол нет. Но в качестве сравнительного примера можно обратиться к коллекции № 3359, которая числится в хранилище МАЭ за киргизами. В этой коллекции под № 3359-17/1, 2 зарегистрированы две обрядовые куклы, которые как раз применялись в ритуале переноса болезни с человека на символического заместителя. Это схематические куклы в виде тканевого жгута, к ним прикреплялась своего рода сума (№ 3359-17/3), в виде полоски ткани, с завязанными на концах узлами, в которые целитель укладывал соль, крупу - «припасы в дорогу». Затем куклу вместе с этой сумой заворачивали в ткань и уносили как можно дальше от поселка, бросали в том месте, где никто не смог бы ее найти. Некоторые пожилые информанты и сегодня помнят эту лечебную практику, кто-то считает, что кукла является символическим заместителем человека, кто-то, что кукла сама олицетворяет болезнь, которую необходимо изгнать из больного [7,8].

Основными сюжетами игр девочек с куклами были не только бытовые, например, прием гостей, но и обрядовые сценки – свадьба, рождение ребенка, похороны. Играя, девочки узнавали последовательность этапов обряда, воспроизводили его, впитывая знания не только о своей социальной роли в коллективе, но и будущей роли в том или ином ритуале жизненного цикла.

Заключение. Таким образом, игра с куклой, детской игрушкой, вмещала в себя весь спектр реальных взаимоотношений между людьми в повседневной жизни и в обрядовой культуре, с помощью игры с ранних лет жизни девочки были вовлечены в сложную систему межпоколенной передачи и сохранения информации.

Уже к середине XX века традиционные казахские куклы постепенно исчезают из повседневной и обрядовой культуры. В настоящее время куклы, конструкция которых отчасти напоминает традиционную, можно встретить среди сувенирной продукции Казахстана. Но их практическая и символическая ценность далека от первоначальной, свойственной традиционному мировоззрению.

Музеи сохраняют культурное наследие, музейные предметы становятся визуальными символами памяти. Они как фрагменты застывшей реальности помогают нам восстановить ушедшие в прошлое картины повседневной жизни того или иного народа. Казахские игрушки, хранящиеся в фондах МАЭ, дают возможность представить

не только мир игр казахских детей прошлых эпох, но и восстановить систему социализации ребенка, механизм передачи традиционных знаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Ботякова, О. А. Детские игрушки у народов Средней Азии [Текст] / О.А. Ботякова // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. Вып. II. – Ленинград, 1991. – С. 31-42.
- 2 Тотенаев, Б. Т. Казахские национальные игры [Текст] / Б.Т. Тотенаев – Алма-Ата: Казахстан, 1976. – 144 с.
- 3 Узакбаева, С., Айтпаева, А. Казахские народные детские игры [Текст]. / С. Узакбаева, А. Айтпаева – Алматы: Республ. издат. кабинет казахской академии образования им. И. Алтынсарина, 2000. – 170 с.
4. Уметов, Т. Э. Игры народов Средней Азии и Казахстана [Текст]. / Т.Э. Уметов – Москва, Воронеж: МОДЭК, 2006. – 208 с.
5. Архив Российской академии наук (СПб), ф. 142, оп.1—до 1918, №50, лист 80—81.
6. Прищепова, В.А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану [Текст]. / В.А. Прищепова – СПб.: МАЭ РАН, 2000. – 268 с.
7. Стасевич, И. В. Бақсалық и практика традиционного целительства в современном Казахстане (по материалам Западного Казахстана) [Текст]. / И.В. Стасевич // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. Вып. II. (отв. ред. Р.Р. Рахимов, М.Е. Резван) – СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 77-92.
8. Полевые материалы автора. Стасевич И.В. отчет о работе Актюбинской этнографической экспедиции, 2006 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. КИ. Оп. 2. № 1808.

REFERENCES

1. Botyakova, O. A. Detskie igrushki u narodov Srednej Azii». [Children's toys in Central Asia]. «Mir detstva» v tradicionnoj kul'ture narodov SSSR», Leningrad, (1991): Vyp. II, S.31-42. – (In Rus).
2. Totenayev, B. T. Kazahskie nacional'nye igry [Kazakh Traditional Games]. Alma-Ata: Kazakhstan, (1976). – (In Rus).
3. Uzakbaeva, S., Ajtpaeva, A. Kazahskie narodnye detskie igry [Kazakh Traditional Children's Games]. Almaty: Respublikanskiy izdatnlskiy kabinet Kazahskoy akademii obrazovaniya im. I.Altynsarina, (2000). – (In Rus).
4. Umetov, T. EH. Igry narodov Srednej Azii i Kazahstana [Games of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan]]. Moskva, Voronezh: MODEK, (2006). – (In Rus).
5. Arhiv RAN (SPb), f. 142, op.1—do 1918, №50, list 80—81.
6. Prishhepova, V.A. Kollekcii zagovorili. Istorija formirovaniya kollekcij MAJe po Srednej Azii i Kazahstanu [Collections Speak. The History of MAE Collections on Central Asia and Kazakhstan]. St. Petersburg: MAE RAS, (2000). – (In Rus).
7. Stasevich, I. V. Baqsalyk i praktika tradicionnogo celitel'stva v sovremennom Kazahstane (po materialam Zapadnogo Kazahstana) [Baksalyk and the practice of traditional healing in modern Kazakhstan (based on materials from Western Kazakhstan)]. «Central'naja Azija: Tradicija v uslo-vijah peremen», St. Petersburg: MAE RAS, (2000): Vyp. II, S. 77-92. – (In Rus).

8. Polevye materialy avtora. Stasevich, I.V. Otchet o rabote Aktjubinskoj jetnograficheskoy jekspedicii, 2006 g. [Report on the work of the Aktobe ethnographic expedition, 2006]. Arhiv MAE RAN, f. KI, op. 2. № 1808.

РҒА ҰЛЫ ПЕТР АТЫНДАҒЫ АНТРОПОЛОГИЯ ЖӘНЕ ЭТНОГРАФИЯ МУЗЕЙІНІҢ (КУНСТКАМЕРА) ҚОРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҚУЫРШАҚ- ОЙЫНШЫҚТАРЫ

Аңдатпа. РҒА Антропология және этнография Музей (Кунсткамера) қорларында қазақтардың дәстүрлі мәдениетіне арналған заттық коллекцияларда 49 қуыршақ сақталған. Олардың барлығы XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың бірінші жартысына жатады. Кейбір қуыршақтар өте сызбалық болса, басқалары керісінше, егжей-тегжейлі жасалған. Олардың киімі костюм құрамын, тігіс ерекшеліктерін ғана емес, оның элементтерін безендіру тәсілдерін де шағын түрде береді, бұл қуыршақтың кім бейнелейтінін анықтауға мүмкіндік береді – бойжеткен, жас келіншек, орта жастағы әйел, күйеу жігіт немесе бала. Коллекцияға белгілі коллекционерлердің, мысалы, Константин де-Лазари, Клавдий Щенников және Дмитрий Букиничтің жұмыстары кіреді. Олар Кунсткамераның этнографиялық қорына айтарлықтай үлес қосып, көшпелі өмір салтының трансформация кезеңіндегі қазақ мәдениетінің ерекшеліктерін тіркеген. Қуыршақтар дәстүрлі киім үлгісі ретінде ғана емес, сонымен қатар қазақ балаларының дүниетанымын көрсететін мәдени мұра ретінде де қызықты.

Мақаланың мақсаты – осы музей экспонаттарын этнографиялық дерек көзі ретінде кең ғылыми айналымға енгізу. Автор қуыршақтардың құрылымдық ерекшеліктерін, костюмін, олардың қазақтардың күнделікті және салттық мәдениетіндегі рөлін сипаттайды.

Кілт сөздер. РҒА АЭМ, Кунсткамера, Қазақстан, қуыршақтар, ойыншықтар, этнографиялық коллекциялар, қорлар қалыптасу тарихы

KAZAKH DOLL-TOYS FROM THE FUNDS OF PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMERA) RAS

Abstract. St. Petersburg Kunstkamera item collections devoted to Kazakh traditional culture comprise 49 dolls. They are all dated late 19th — 1st half of the 20th centuries. Some of the dolls are, as it were, schematic, others, on the contrary, are made with care to detail, their miniature clothes reproducing not only the composition of the costume and its cut, but also its decorative elements, which allows to define who a certain doll represents: a maiden, a young married woman, a middle-aged woman, a groom, or a child. The article aims to introduce these museum pieces as an ethnographic source for scientific use. The author describes the design features, the dolls' costumes, and their role in Kazakh every-day and ritual culture.

Key words. MAE RAS, Kunstkamera, Kazakhstan, dolls, toys, ethnographic collections, history of museum funds